

Часть I. ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ГЕРЬЕ – УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

И.Г. Воробьева (Тверской ГУ)

Профессор Н.И. Радциг – ученик В.И. Герье

Владимир Иванович Герье прожил долгую жизнь в науке, его лекции слушали студенты Московского университета с 1864 г., несколько позднее его учениками стали слушательницы Женских курсов, основателем которых он оказался в 1872 г. Судьбы его учеников и учениц складывались по-разному, к сожалению, они не успели оценить труд профессора после его смерти. Трудный 1919 г. не располагал к составлению посмертного сборника, а в дальнейшем обращаться к памяти кадета В.И. Герье было небезопасно. Тем не менее, именно многочисленные слушатели курсов всеобщей истории, читанных профессором Герье, вошли в новые советские кадры преподавателей высших и средних учебных заведений. Сложно уяснить причины, но это установленный факт, что число выпускников историко-филологического факультета Московского университета в советской научной школе было большим, чем выпускников Петербургского. В их числе был и Николай Иванович Радциг, считавший себя учеником В.И. Герье.

В обзорных трудах по истории советской медиэвистики имя профессора Н.И. Радцига встречается регулярно, однако его интеллектуальная биография не написана. К 130-летию историка мной была опубликована небольшая заметка, организована выставка работ ученого в Научной библиотеке Тверского госуниверситета, на встречу со студентами приглашены его потомки, что нашло отражение на сайтах [см.: URL: http://history.tversu.ru/index.php?option=com_content&view...; www.tverlife.ru/news/40176.html]. Но это было лишь первое приближение к теме, требовалось глубже понять жизнь историка в провинции и его окружение.

Изученные архивные документы и устный опрос родственников показывают, что в жизни Н.И. Радцига не было серьезных потрясений, выпавших на долю его современников: он не воевал, не подвергался арестам и выселению, не преследовался по политическим мотивам. Но от этого биография историка, прослужившего в сфере образования почти полвека, не теряет для нас интереса.

Николай Иванович Радциг родился 25 февраля 1881 г. в Москве в семье эмигранта из Австрии, принявшего русское подданство. Этническое происхождение его отца Ивана Антоновича нам неизвестно, скорее всего он был из западных славян. Сам историк в официальных документах называл себя русским. Н.И. Радциг окончил с золотой медалью 1-ю московскую гимназию и в 1899 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Младший брат Николая Ивановича Сергей учился тогда же. Он стал впоследствии профессором МГУ, выдающимся специалистом по древнегреческому языку и автором вузовского учебника по античной литературе. Отмечу, что наши коллеги-филологи создали и ведут замечательный сайт, сообщающий сведения по истории кафедры классической филологии Московского университета. На нем размещены фотографии и сведения по генеалогии братьев Радцигов, называемых в шутку «Братциги» [URL: www.philol.msu.ru/~classic/history_russia/radzig/photo]. Обучаясь на историко-филологическом факультете Московского университета, Н.И. Радциг написал сочинение на тему «Начало летописи в Риме». Эта работа по предложению профессора В.И. Герье была удостоена золотой медали. Именно она сегодня активно обсуждается и цитируется в Интернете, хотя сам автор полагал ее устаревшей.

Вероятно, по рекомендации В.И. Герье Радциг был оставлен при Московском университете для приготовления к профессорскому званию с 1904 по 1908 г. Одновременно началась его педагогическая деятельность. По рекомендации того же Герье он преподавал историю на Московских Высших женских курсах и в других учебных заведениях.

В 1907–1908 гг. Радциг сдавал магистерские экзамены, работал под руководством В.И. Герье над диссертацией, посвященной истории Франции середины XIV в. В 1909–1913 гг. были опубликованы его статьи «Политическое собрание во Франции 1302–1303 гг.» и «Общественное движение во Франции 1355–1358 гг.». В эти годы имя Н.И. Радцига встречается в дневниковых записях профессора Московского университета А.Н. Савина. Так, в 1914 г. он записал: «Ко мне заходил Н. Радциг, закинуть удочку. Он написал несколько статей о французской смуте середины XIV века и спрашивал моего мнения о них. Признался, что Герье осыпал его похвалами. Намекнул, что Герье считает их очень хорошими, что их можно было бы представить в качестве магистерской диссертации. Я вежливо, но твердо указал ему, что эти статьи, с моей точки зрения, совсем не похожи на

диссертацию, что в них самостоятельные наблюдения теряются в пересказе хорошо уже известных вещей. Радциг притворился, что согласен с моей оценкой» [Савин А.Н. Дневниковые записи 1914–1917 гг. // Записки Отдела рукописей РГБ. М., 2004. Вып. 52. С. 180].

Можно предположить, что мнение профессора А.Н. Савина подействовало, и Н.И. Радциг обратился к иной теме исследования. Он начал изучать Францию периода Реформации. В «Журнале министерства народного просвещения» он опубликовал большую статью «Общество святых даров во Франции XVII века», а позднее, в сборнике в честь профессора Н.И. Кареева, – статью «Страницы из истории католического возрождения во Франции XVI в.». В журнале Исторического общества при Московском университете, где председателем был В.И. Герье, Радциг публиковал рецензии на новые французские издания.

Проблемы реформационного движения интересовали Радцига всю жизнь, возможно, и потому, что его отец был лютеранином. Вершиной его научного творчества стала защита в МГУ в 1944 г. докторской диссертации «Школа в Женеве при Кальвине». Оппонентами выступили С.Д. Сказкин и В.М. Лавровский, ровесники Радцига и выпускники Московского университета. Странно, но в научной литературе до сих пор нет ее обстоятельной оценки. Работал Н.И. Радциг и по проблемам более позднего времени. Востоковеды ценят его большую статью «Дюпле в Индии». Занимался он историей Суэцкого канала, готовил переводы трактатов Жана Кальвина и Этьена де ла Бозси.

Педагогическая деятельность Н.И. Радцига проходила в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле и Твери. Основные курсы по средневековой истории Н.И. Радциг прочитал студентам Тверского (Калининского) пединститута, где преподавал в 1919–1924 и 1938–1948 гг. Студенты 1950-х – 1970-х гг. слушали рассказы о профессоре Н.И. Радциге, свободно владевшем греческим, латынью, французским, немецким языками, понимавшем и любившем классическую музыку, не чопорным и готовым делиться своими знаниями. Для современного университета сохранение памяти о старой профессуре – необходимая процедура, ведь доверяют только тому вузу, который имеет традиции и следует им.

В.П. Золотарёв (Сыктывкарский ГУ)

Два русских протографа западноевропейской историографии:

М.Н. Петров и В.И. Герье

26 ноября 1865 г. на Совете историко-филологического факультета императорского Московского университета экстраординарный профессор Харьковского университета, магистр М.Н. Петров (1826-1887) защищал монографию «*Национальная историография в Германии, Англии и Франции: сравнительный историко-библиографический обзор*» (Харьков, 1861. 309 с.) на ученую степень доктора всеобщей истории. Исследование соискателя – результат его почти трехлетнего упорного труда во время заграничной командировки в страны, названные на титульном листе.

Диспутальными оппонентами харьковчанина выступали магистры В.И. Герье (1837-1919) и Н.А. Попов (1833-1891). Руководил диспутом проф. С.М. Соловьев (1820-1879). После подробного и тщательного обсуждения книги Петрова, Совет единодушно принял блестяще аргументированное, короткое и яркое постановление, в котором, в частности, было отмечено: «автор доказал, что владеет своим предметом и стоит на уровне современной науки» и «удостоил (М.Н. Петрова) ученой степени доктора всеобщей истории».

В это же время в Университетской типографии (Катков и К^о), что на Страстном бульваре Москвы заканчивался набор книжечки В.И. Герье «Очерк исторической науки» (дозволен цензурою 30 декабря 1865 г.) (112 с.) Вышла же она из печати в самом начале 1866 г. и посвящена (так же, как исследование Петрова) той же проблематике – истории исторической науки стран Запада. Оба труда есть все основания считать первыми опытами создания русскими учеными истории исторической науки стран Запада, а Петрова и Герье её протографами.

Монография Петрова выполнена в сравнительно-историческом плане и состоит из предисловия (с. I-VII) и трех частей: [1] *Германская историография* (с. 1-116); [2] *Английская историография* (с.119-184); [3] *Французская историография* (с. 187-309). Приметим: освещению германской историографии Петров отвел 116 с., английской– 65 с., французской – 112 с. Выходит, что германская историография в концепции Петрова занимает доминирующее место, немного меньше - французское историописание и, я бы сказал, второстепенное место было отведено английской исторической мысли. Такая ранжировка западно-европейской исторической мысли русским ученым была оправданной и обоснованной, поскольку отражала реальный вклад в историю ученых названных стран.

Расчленив объект своих штудий на три части, Петров при изложении каждой из них строго следовал самому надежному принципу организации материала – **хронологическому**. Так изложение развития германской исторической мысли он начал с анализа историков XVIII в. Людвига и Гундлинга. Далее перед нами чередой проходят Авг. Людв. Шлецер (1735-1809); Ф. Шлегель (1772-1829), Б.Г. Нибур (1776-1831), Г. Зибель (1817-1895), Л. Ранке (1795-1886), Ф. Шлоссер (1776-1861). Та же картина в освещении английской историографии – Т. Маколей, Г. Болингброк, Э. Гиббон, Т. Бокль, – и французской – Ф. Гизо, О. Тьерри, А. Токвиль, А. Тьер, Ф. Минье, Ж. Мишле. Не могу не отметить: во время своей командировки в страны Запада Петров встречался со многими светилами тамошней исторической мысли, однако не подпал под давление их авторитетов и трудам вышеназванных ученых давал критические оценки, в которых читатель видел их заслуги и их недостатки (см.: с. 289 о А. Токвиле; с. 288-289 об А. Тьере и т.д.). Эти указания не трудно продолжить, но их, по-моему, достаточно, чтобы сказать, что Петров осуществил анализ западноевропейской историографии, руководствуясь многосторонним подходом.

«Очерк развития исторической науки» (М., 1866. 112 с.) Герье, как и исследование Петрова, явился плодом его заграничной командировки 1862-1865 гг., но он, сразу скажем без обиняков, уступает книге Петрова не только по объему (почти в 3 раза меньше), но и по организации материала, а также по глубине оценок трудов западно-европейских ученых.

«Очерк...» Герье состоит из пяти небольших главок, имеющих римскую нумерацию, но не имеющих заглавий, что, разумеется, затрудняет их изучение. Глава I (1-35) начинается с рассматривания взглядов Б. Августина (IV в.) и заканчивается подробным освещением концепции Монтеस्कье. Главка II (35-59) посвящена анализу и оценке историко-философских взглядов Вико, Гердера, Лессинга. В центре III главки (50-72) – Кант, Шеллинг и Гегель, а IV – Шлегель, Шлоссер и Ранке. Крепкой главки V стали О.Конт и Т. Бокль.

Я совершенно сознательно назвал персоналии «Очерка» Герье, чтобы сделать вывод – его в отличие от Петрова «захватила» философия истории, а из профессиональных историков он остановил свой взор лишь на двух – Шлоссере и Ранке. Упомяну: в самый последний момент, уже после диспута Петрова в корректуру «Очерка» Герье вставил знаменательную фразу: «Характеристику главных учеников Ранке и их трудов

можно найти в сочинении профессора Харьковского университета Петрова *«Национальная историография в Германии, Англии и Франции»* (с.85).

Тем не менее, Петрова и Герье роднят общие подходы анализа и оценок исторических трудов ученых стран Запада – быть объективным и беспристрастным. Герье, как и Петров, не подпадал под влияние авторитетов своих современников, да и прошлых времен. Вот факт, подтверждающий это умозаключение. Книга Бокля вышла в свет в Лондоне в 1858 и 1861 годах в двух томах и в двух русских переводах (К.Н. Бестужева-Рюмина; А.Н. Буйницкого и Ф.Н. Ненарокова) в С.-Петербурге. Интерес в России к «Истории цивилизации» был огромен, рецензии сплошь и рядом хвалебные. Н.Г. Чернышевский приветствовал ее публикацию в «Отечественных записках» (1861): «вы, – обращаясь к редакции журнала, писал он, – превосходно делаете, что переводите его [Бокля]... Русская публика будет вам благодарна за него». Кареев вспоминал, что в шестидесятых годах Бокль сделался у нас властителем дум молодого поколения и гораздо большим авторитетом для русского образованного общества, особенно внимавшем его проповеди о прогрессивном значении естествознания для общественного развития, как это особенно проводил в своей блестящей публицистике Д.И. Писарев.

Вполне закономерно, что Герье в своем «Очерке» труду Бокля отвел, пожалуй, больше страниц (94-112), чем какому-либо другому. Но...Герье наперекор хвалёбе дал трезво-научную оценку книге Бокля. Он был более всего не удовлетворен тем, как Бокль отбирал факты для своего труда. Англичанин, по его мнению, приводил только те факты, которые подтверждают его положения, и оставляет совершенно в стороне все то, что могло бы ослабить или видоизменить впечатления, которые он хочет произвести на читателя. Конечный его вывод таков: «...мы должны признать за сочинением Бокля характер тенденциозного произведения» (с. 111).

Более чем через пятьдесят лет Герье вернулся к проблематике своего «Очерка» в объемной книге «Философия истории от Августина до Гегеля» (М., 1915), посвятив ее тем ученым, которые занимались более теорией истории, чем самой историей. Примечательно, что Боклю в этой книге не нашлось места.

В рамках тезисов можно лишь наметить проблему и пунктиром прочертить пути и средства ее возможного исследования. Именно так понимал свою задачу автор этого эссе.

И еще он старался убедиться сам и убедить возможных читателей в том, что русскими протографами западно-европейской исторической мысли XIX в. были М.Н. Петров и В.И. Герье, которые своими монографиями заложили основы ее дальнейшего весьма плодотворного развития, что привело к формированию в России нескольких научных школ в области истории зарубежных стран в новое и новейшее время. Автор тешит себя надеждой подготовить специальное исследование по затронутым здесь сюжетам.

Т.Н. Иванова (Чувашский ГУ, Чебоксары)

Место В.И. Герье в российской культуре последней трети XIX века

Отмечающийся в этом году юбилей Владимира Ивановича Герье (1837-1919) побуждает к широкой постановке темы, трудно согласующейся с объемом тезисов. Это объясняется необходимостью уточнения оценки деятельности Владимира Ивановича. Негативные оценки его роли, отразившиеся в различных изданиях советского и постсоветского времени, зачастую опираются на свидетельства мемуаристов (П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер и др.), общавшихся с Герье в последний период его жизни. Но если изучать менее известные свидетельства 70-80-х годов XIX в., то роль ученого будет выглядеть по-иному.

В последней трети XIX в. место Герье в российской культуре было весьма значимым. Тогда для современников он был авторитетным ученым, инициативным педагогом, автором либеральных проектов в Московской городской думе, которого охранка подозревала в связях с М.А. Бакуниным. В Московском университете Герье выступил инициатором важных починов. Он первым организовал семинар по всеобщей истории, начал чтение лекций и научное изучение Французской революции конца XVIII века, систематизировал преподавание всеобщей истории, стал основоположником научной школы, основал Историческое общество, членами которого были историки из десятков городов России. Его ученики преподавали в Московском, Петербургском, Новороссийском, Казанском, Киевском, Варшавском, Дерптском университетах. В 70-е – 80-е гг. он был крупнейшим российским

специалистом по всеобщей истории, вел рубрику о зарубежной историографии в «Историческом вестнике», издавал свои работы в Германии и во Франции, переписывался со знаменитыми зарубежными историками. Его трудами о Мабли восхищались французские ученые, а Зибель приглашал его печататься в своем журнале.

Не замыкаясь в рамках научно-педагогической деятельности, Владимир Иванович занимал активную жизненную позицию по острым вопросам российской действительности. Его взгляды в этот период совпадали с программой русских либералов. В начале своей карьеры молодой ученый поддерживал в Московском университете «либеральное меньшинство» во главе с Б.Н. Чичериным. Роль Герье в конфликте 1866 г., приведшем к отставке Чичерина, была, как свидетельствуют письма А.И. Георгиевского, достаточно весома: по просьбе министерских чиновников он должен был уговорить подавшего тогда же в отставку С.М. Соловьева не покидать университет. Именно за поддержку своего друга Чичерина Владимир Иванович поплатился тем, что в 1868 г. «консервативное большинство» забаллотировало его кандидатуру на должность профессора, а «доброжелатели» сочинили донос в охранку о его левых взглядах.

В 70-е гг. Герье был активным борцом за сохранение университетской автономии, автором ряда известных статей по этому вопросу, одним из инициаторов коллективного письма 35 московских профессоров против сторонника контрреформ Н.А. Любимова. Герье защищал студентов, репрессированных за участие в беспорядках, и даже считал возможным создание организации для «удовлетворения всякого рода студенческих нужд».

Но, пожалуй, наибольшую известность принесла ему инициатива по организации в 1872 г. первого «женского университета» в России – Московских Высших женских курсов, которые остались в истории русской культуры как «курсы Герье». Созданные на частные пожертвования, эти курсы в 70-е гг. приобрели авторитет только благодаря его энтузиазму, подвижничеству и организаторским талантам. Герье смог привлечь к преподаванию выдающихся ученых Московского университета, добился финансового процветания курсов.

С 1876 г. Герье постоянно избирается гласным Московской городской думы, где много сделал для развития общественной благотворительности, совершенствования школьного и медицинского образования, благоустройства города. Он

принимал участие в правительственной комиссии К.К. Грота по подготовке нового законопроекта об общественном призрении, а также в работе различных организаций, занимавшихся помощью безработным, сиротам, малоимущим. Герье способствовал реорганизации ряда сиротских приютов в профессиональные школы, дававшие воспитанникам рабочие профессии. Заботясь об установлении обязательного воскресного отдыха для наемных работников Москвы, он выступил инициатором создания первого профсоюза московских официантов.

Дом Герье в Гагаринском переулке стараниями его жены, родственницы А.В. Станкевича, стал местом встреч на «журфиксах» передовой интеллигенции Москвы. Здесь проходили заседания «вечернего семинария» для наиболее талантливых студентов и молодых ученых. Герье участвовал в различных культурно-просветительских мероприятиях, общался с известными художниками и писателями (В.О. Шервудом, А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым, П.Д. Боборыкиным, Н.П. Богдановым-Бельским, В.В. Розановым, В.Л. Брюсовым и др.).

Герье не был лидером сообщества московской интеллигенции. Педантичный и суховатый, не обладавший ораторскими талантами, он внес свой вклад в развитие русской культуры не столько словами, сколько делами. Выходец из не очень обеспеченной эмигрантской семьи, всего добившийся личным трудом, он считал необходимым создание условий для развития личной инициативы, неприкосновенности частной собственности, просвещения широких народных масс. Его идеалом являлись не республиканские свободы Франции, а социально-экономические и культурные преобразования в объединившейся Германии.

Однако к началу XX в. по целому ряду причин позиции Герье, пережившего большинство своих соратников, меняются. Теперь его лекции и семинары проигрывают на фоне педагогических новаций его же молодых учеников. В центре его научных интересов уже не история французской революции, столь актуальная для России, а средневековое монашество и папство. Закрытие в 1888 г. правительством женские курсы, возрождаются в 1900 г. усилиями Герье на более широкой основе, но профессура, не согласная с тем, что управлять всем должен консервативно настроенный директор, отстраняет его от руководства. В стране назревает революция, которая пугает историка яковинского террора возможными последствиями. Герье демонстративно не подписывает радикальное заявление Московской думы от 30 ноября 1904 г. Это приводит к обструкции

против него со стороны студентов, что вынуждает профессора уйти из университета. После 1905 года Герье – идеолог октябристов, жестко критикующий своих ставших кадетами учеников, член Государственного Совета по назначению императора. В эти годы он, прекратив преподавательскую деятельность, уже не занимался новыми научными исследованиями, а обобщал и перепечатывал свои старые работы, которые, конечно, уже потеряли былую новизну и актуальность. Этот образ саркастичного старца-контрреволюционера по причудливым законам исторической памяти наложился на воспоминания о свершениях Герье в 70-80-е гг. XIX в. и исказил их.

В последней трети XIX в. Герье, вопреки расхожим стереотипам, был не консерватором, а новатором. Без его инициатив развитие русской науки и образования, общественно-просветительская жизнь Москвы выглядели бы совершенно по-иному. Его деятельность была той плотью, которой прирастают либеральные проекты, чтобы стать реальными свершениями. Конечно, деятельность ученого на последнем этапе жизни должна анализироваться для общей характеристики его жизненного пути, но роль Герье в российской культуре следует определять не его консервативными позициями на восьмом десятке жизни, а тем, что он сделал в расцвете творческих сил.

А. А. Куреньшев (Государственный исторический музей, МПГУ, Москва)

В.И. Герье о славянофильских и неонароднических концепциях социально-экономического развития России

Среди трудов В.И. Герье по истории стран Западной Европы можно найти и работы, в которых рассматриваются вопросы социологии (Герье В.И. Огюст Конт. М. 1898), а также статьи и монографии, откликающиеся на актуальные проблемы развития России пореформенного периода [Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение. М., 1878].

Почему из всей многочисленной народнической и славянофильской литературы Герье и Чичерин избрали мишенью для критики труд князя А.И. Васильчикова, мы пока не знаем. Возможно, что критиков привлекло громкое имя автора; возможно, что их возмутил и раздражил дилетантизм и одновременно претензии на глубинное понимание острейших

социальных вопросов [см. также отсылку на нелестное высказывание Герье и Чичерина о Васильчикове: Давыдов М.А. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX в.// Российская история. 2011. № 1]. Нельзя не заметить определенного снобизма двух мэтров науки по отношению к князю-недоучке.

Последовательные в своих убеждениях либералы, как известно, являются противниками вмешательства государства в экономику. Государство, вставшее на путь рыночных реформ, должно создать условия для их свободного развития и отойти в сторону, лишь иногда вмешиваясь в экономические процессы в том случае, когда в них происходят какие-то нарушения, искажения и деформации. Герье и его единомышленники из числа русских либералов в теории также придерживались подобных воззрений, но на практике были государственниками, поддерживали государство в том его виде, какое существовало в России, то есть самодержавную монархию. Она, эта монархия, как форма правления, имела черты как западного общества, так и восточных деспотий. Россия волею судеб и волею «мудрого государя» вступила на прогрессивный прозападный путь. Полемизируя с князем Васильчиковым, Герье и Чичерин стремятся доказать, что отмена крепостного права, произведенная «сверху», дала крестьянам все возможности для развития и процветания: «Следовательно, чистый доход крестьянина с душевого участка, независимо от положенного на него труда, больше чем в полтора раза превышает не только лежащие на нем подати, но и выкупные платежи. Иначе и быть не может, если мы сообразим, по какой цене крестьянин получил свой участок. Известно, что установленная Положением общая цифра оброка, 9 рублей с души, была капитализирована из 6 процентов, что составило 148 руб. 50 к. на 3½ десятины, или около 42 рублей на десятину. В то время это была настоящая цена земли. Выкупная операция еще убавила эту плату: вместо 9 рублей оброку, крестьяне платят всего 7 р. 20 к. с души процентов и выкупа; дополнительные же платежи большей частью уплачены ими работою в течение нескольких лет. Ныне же цена десятины в черноземной полосе Тамбовской губернии достигла до 100 рублей; следовательно, крестьянин получил 58 рублей за десятину, или 200 слишком рублей на душевой надел совершенно даром. Общая же сумма капитала, представляемого душевым наделом, равняется 350 рублям, сумма, с которой проценты должны в избытке покрывать и подати и выкупные платежи» [Герье В.И., Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 132]. В

отношении Герье и его соавтора к крестьянской реформе, как в капле воды, отразилось отношение русских либералов к аграрному вопросу в России.

Князь А.И. Васильчиков не был, конечно, чистым славянофилом. Его можно, скорее, отнести к поздней вариации представителей этого течения мысли. Он выступает в своем труде, как ему кажется, во всеоружии новейших достижений науки. Вот по этой его уверенности в собственной научной подготовке и открыли огонь его критики. Профессиональным историкам и правоведам нетрудно было уличить князя-мыслителя в невежестве и дилетантизме. Но для нас гораздо интереснее выявить принципиальные доктринальные расхождения почвенническо-славянофильской модели развития России, предлагавшейся Васильчиковым, и либерально-западнической.

Князь в своем многостраничном труде пытался создать новый образ справедливого мироустройства, основанного на равном, но не коллективном пользовании землей и другими средствами производства, свободном, а не наемном труде и частной собственности. Одновременно он стремился откеститься от социалистических и коммунистических моделей, считая их продуктом Запада, а потому неприемлемыми для русского народа. Отметим, что славянофильство Васильчикова нашло свое проявление и в острой форме германофобии. Пуганицу князя в вопросах определения исторического характера рас, народов и наций его оппоненты определили легко и, соответственно, разбили его построения, основанные на этом явно ненаучном основании, в пух и прах.

Герье и Чичерин решительно встают на защиту Западной цивилизации от нападок доморощенных философов, социологов и общественных деятелей, стремящихся строить новую Россию исключительно на традиционной основе без использования достижений науки, опять же, преимущественно западной: «Из этого опять можно видеть, что нет ничего превратнее, как то отрицательное отношение к западной цивилизации, которым отзывается вся книга кн. Васильчикова. Этот взгляд на русскую историю, так же как и извращенное понятие об истории Европы, составляет печальное наследие славянофилов. Было время, когда славянофильство играло известную роль в нашей умственной жизни. Оно затрагивало вопросы, возбуждало полемику, поддерживало в обществе живой умственный интерес» [Герье В.И., Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 95].

По мнению Герье и Чичерина, Васильчиков и другие славянофилы, а вслед за ними и народники, преувеличивали роль и значение общины в хозяйственной жизни славян в целом, и русских крестьян, в частности. По мнению адептов этой концепции, западноевропейское общество издавна вступило на путь частнособственнического использования земли. Васильчиков, как истый дилетант, несомненно, упрощал и огрублял историю взаимоотношений и взаимодействия частного, участкового и общинного владения и пользования землей. Россия встала на этот путь под влиянием извне. Западным влиянием Васильчиков объясняет и коммунизм. Он выступал как явный противник коллективного труда, считая это проявлением коммунизма, равно чуждого русскому крестьянину, как и крупное частное землевладение.

Герье был ярким сторонником «стольпинских реформ» и конституционной монархии, которую он резко отличал от монархии парламентской. Иными словами, его западничество носит прогерманский характер. Он явный противник парламента английского образца, в котором постоянно бурлят страсти и происходит бурная политическая борьба. В единение царя с народом (славянофильская модель государственного устройства) Герье также не верит.

Л. П. Лантева (МГУ, Москва)

В.И. Герье и его оценка современных университетов Германии (по данным отчетов)

После защиты магистерской диссертации в 1862 г. В.И. Герье был направлен за границу для усовершенствования знаний, а также для изучения постановки и методов преподавания всеобщей истории в европейских университетах. В общей сложности молодой русский магистр пробыл за границей около трех лет, посетил Германию, Швейцарию, Францию, Италию. Он работал в архивах над документами, изучал литературу в библиотеках, посещал лекции профессоров в разных университетах, интересовался искусством, осматривал музеи и древние исторические памятники Германии и, главным образом, Италии. Большую часть времени В.И. Герье провел в Германии, посетив здесь двенадцать университетов с целью

ознакомления с состоянием изучения и преподавания всеобщей истории.

Впечатления от этой работы и оценку ее состояния В.И. Герье изложил в своих отчетах (официально – донесениях) в Министерство народного просвещения Российской империи. Эти документы были опубликованы в 1863 и 1864 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» и являются важным источником для изучения не только профессиональной подготовки родоначальника научного подхода к изучению всеобщей истории в Московском университете, но и всего процесса организации преподавания и исследования указанного предмета в России. Прежде всего, В.И. Герье описывает ситуацию в центре немецкой науки – Берлинском университете. Он указывает, что всеобщей истории здесь уделяется серьезное внимание. Лекции читаются по всем разделам: древней истории, истории средних веков, новой истории. В среднем восемь профессоров уделяют всеобщей истории 38 часов в неделю. В.И. Герье останавливается на методике преподавания каждого профессора. Особое внимание обращает на курсы проф. Леопольда фон Ранке. По мнению русского магистра, этот крупнейший ученый является и первоклассным преподавателем. В его лекциях он отмечает ясность мысли, объективность, беспристрастность и «благородство речи». Изложению материала Ранке чужда актуализация, хотя хронологические рамки лекций – с 1813 г. до настоящего времени, т.е. до того времени, когда происходил процесс объединения Германии, – провоцировали на соответствующие параллели, к которым прибегали другие профессора не только Берлинского университета. Упомянув о тематике и манере чтения лекций другими профессорами, В.И. Герье констатирует, что кроме больших курсов лекций профессора-историка проводят небольшой «публичный курс» (т.е. семинар), на занятиях которого студенты занимаются «историко-критическими упражнениями», т.е. читают и объясняют летописи и другие источники, после чего пишут на эту тему свои сочинения. По наблюдению В.И. Герье такой метод изучения всеобщей истории применяется во всех университетах Германии, хотя, в зависимости от индивидуальных качеств профессора, приносит разные результаты. В целом же, подобный способ обучения предполагает не только сообщать уже установленные истины и факты, но и показывать, как они добываются, т.е. обучать исследованию истории. Вообще во всем изложении материала наблюдений красной нитью проходит мысль о том, что

университетский профессор должен быть и передатчиком знаний, и исследователем, и только такие его качества могут соответствовать свободе развития науки и ее поступательному движению.

Остановившись коротко на ученых трудах и методе преподавания профессоров Берлинского университета, автор отчета далее освещает процесс преподавания всеобщей истории в Гейдельбергском университете, который, по его мнению, утратил свою былую славу. Ее поддерживает лишь проф. Гейсер, курс лекций которого по римской истории русский магистр оценивает весьма сдержанно. А в курсе новейшей истории усматривает «прусское пристрастие» и излишнюю актуализацию.

В Гейдельбергском университете, по мнению В.И. Герье, больших успехов достигли вспомогательные исторические дисциплины – палеография и дипломатика. Крупнейшим специалистом в этой области автор отчета считает проф. Ваттенбаха, который ведет практические занятия по рукописям и читает курс по истории средних веков.

С преподаванием философских наук и изучением этой отрасли знаний В.И. Герье познакомился в небольшом университете ученого центра Прусской Саксонии – Галле. Здесь в университете работали шесть профессоров философии, из которых трое – Эрдман, Шаллер и Фогт – хорошо известны в ученом мире. Указав на их основные сочинения по философии, московский магистр подводит итог, что в Галльском университете читается 39 часов философии.

Фрайбургский университет произвел на В.И. Герье несколько иное впечатление. Университет сохранил значение центра католичества и главную роль здесь играл богословский факультет. Но и во Фрайбургском университете В.И. Герье встретил крупного ученого, а именно Трейчке, который читал курсы государственного права и истории Германии, начиная с Венского конгресса, невзирая на то, что его мнения не согласуются с католическими взглядами, господствовавшими в университете.

Русский магистр познакомился также с состоянием разработки и преподавания всеобщей истории в маленьких немецких университетах Швейцарии. В отчете говорится, что в Базельском университете один из лучших учеников Ранке Буркхард читает лекции по истории французской революции и проводит «исторические упражнения» на тему о католической оппозиции реформации во второй половине XVI в. Также

упоминаются сочинения и лекции других крупных немецких ученых, работавших в Базельском университете.

Отчеты В.И. Герье показывают, что во время путешествия по Германии он получил массу информации, которая дала ему основание прийти к заключению, что Германия – ученая страна «с 28 университетами и добросовестными профессорами». Он считает, что немецкие профессора не только преподают соответствующий предмет, но и сами исследуют то, что преподают. По мнению В.И. Герье, процесс обучения в университете – это не только сообщение учащимся уже накопленных знаний, но и обучение методам их получения. В.И. Герье подчеркивал в своих отчетах, что в германских университетах основу изучения истории составляет критический метод исследования источников и их сравнительный анализ. Среди профессоров много первоклассных ученых, известных во всей Европе, а университеты имеют большое число нужных специалистов, которые при существующей системе организации и функционирования университетов свободно перемещаются из одного университета в другой, распространяя новые данные науки по всей Германии и за ее пределами. Наиболее прогрессивные стороны организации и преподавания всеобщей истории В.И. Герье впоследствии использовал в своей практике в России. Однако русский магистр видел и недостатки немецкой системы. В отчете указаны лишь некоторые, подробно автор анализирует их в опубликованной позднее статье «Свет и тени университетского быта» (1876).

Г.П. Мягков (Казанский ФУ)

Т.Н. Иванова (Чувашский ГУ, Чебоксары)

Основные черты научной школы В.И. Герье

В современной историографии уже не подвергается сомнению существование научной школы В.И. Герье (1837–1919), однако не до конца прояснены ее основные черты. Ее формирование связано с временем профессионализации и специализации русской исторической науки: в 70-е гг. XIX в. острый недостаток квалифицированных кадров по всеобщей

истории для расширяющейся сети российских университетов, особый интерес общества к проблемам зарубежной истории побудил молодого профессора Московского университета обратить внимание на подготовку ученых, способных не только стать специалистами по проблемной истории, но и учеными-педагогами широкой специализации. Как лидер формирующейся «учительской» школы В.И. Герье избирает курс на подготовку энциклопедически образованных, с широким философским подходом профессоров всеобщей истории, способных на высоком научном уровне исследовать и преподавать и античность, и средневековье, и современную историю.

В развитии школы Герье выделяются этапы: 1) 70-е – начало 80-х гг. – «старшее поколение» учеников (Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, С.Ф. Фортунатов); 2) 80-е – начало 90-х гг. – «среднее поколение» (М.С. Корелин, Р.Ю. Виппер, И.И. Иванов); 3) 90-е гг. XIX – начало XX вв. – «позднее поколение» (П.Н. Ардашев, С.А. Котляревский, Е.Н. Щепкин). Наиболее ярко основные черты школы отразились в творчестве Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, М.С. Корелина, П.Н. Ардашева, составивших ее «ядро». К нетипичным ученикам, «приверженцам», можно отнести Р.Ю. Виппера, И.И. Иванова, Е.Н. Щепкина, С.А. Котляревско-го. Значительна «периферия» школы, которая в то же время достаточно аморфна вследствие свойственной историческим школам интерференции, возникновению феномена «двойного ученичества». К ней можно отнести формально бывших магистрантами П.Г. Виноградова, В.О. Ключевского и др., но в то же время признававших себя и учениками Герье Д.Н. Егорова, М.О. Гершензона, А.И. Соболевского, Н.И. Радцига, А.И. Яковлева, М.М. Хвостова, М.К. Любавского и др. К этой же «периферии» школы принадлежали В.В. Розанов, В.Л. Брюсов, на мировоззрение которых Герье оказал существенное воздействие.

Формированию школы способствовали эффективные «школообразующие практики», применявшиеся ее основателем: глубокие по степени обобщения, богатые историографическим анализом лекции Герье, его университетские семинары. Важную роль сыграл в развитии школы вечерний (домашний) семинарий для избранных учеников, обретший в известном смысле более совершенную форму в созданном в 90-е годы Историческом обществе.

Особое значение в формировании школы играли культивируемые ее лидером индивидуальные методы наставничества. Герье создал определенный алгоритм подготовки ученых, «структура» которого включала: *фазу*

селекции (отбора), *фазу протекции*, обеспеченную всесторонней (моральной и материальной) опекой избранных, *фазу установления тесного личного контакта* вплоть до «введения» ученика в семью профессора. Важнейшей фазой являлось *собственно научное руководство* на всех этапах «роста» ученика: от определения им научного интереса, осуществления первых исследований (медального, кандидатского) до подготовки к магистерскому экзамену и выбора темы диссертации до магистерского диспута. С особым тактом В.И. Герье осуществлял действенный контроль за ходом заграничной командировки, сбором материала, за написанием текста диссертации. Необычным было то, что и после защиты диссертации Герье продолжал опекать ученика, подыскивая ему место в одном из российских университетов, давая советы по подготовке первых лекций и семинаров, оказывая помощь и поддержку в подготовке докторской диссертации. Данная модель работы с учениками, конечно, не была догмой, варьируясь в зависимости от конкретных обстоятельств.

Важной чертой школы Герье, определившей ее *научный стиль*, стало внимание к историческим источникам. Овладение методикой исследования последних закладывалось в ставших знаменитыми семинарах. Ученики Герье писали диссертации на основе массива, как правило, открываемых ими в зарубежных архивохранилищах документов и демонстрировали высокий уровень владения приемами исторической критики, строгую доказательность выводов исследований. Другой чертой школы Герье являлось особое внимание ее представителей к историографическим проблемам всеобщей истории, опора на метод системного историографического анализа. Воспитываемый учителем интерес учеников к творчеству предшественников и современных историков, к процессу развития историознания в зарубежных странах и в России был реализован последними в создании самых разнообразных трудов историографического характера.

Вариативное многообразие методологии учеников Герье имело в то же время некую общую парадигму. Идея всеобщей истории и культ родоначальника этой идеи в России Т.Н. Грановского объединяли учеников Герье, несмотря на некоторое различие в трактовке этой общей составляющей. Признание истории наукой со своим методом, нацеленности обществознания на открытие законов (относилось в будущее и не всегда полагалось делом собственно истории), идеи исторического прогресса, органического развития

прослеживаются в историософских произведениях большинства учеников Герье.

Научная проблематика представителей школы многообразна, но восходит к разностороннему научному наследию самого Герье, изучавшего и генезис феодализма (продолжение – в трудах П.Г. Виноградова), и историю средневекового католицизма (С.А. Котляревский, М.С. Корелин), и причины и ход Французской революции конца XVIII века (Н.И. Кареев, И.И. Иванов, П.Н. Ардашев), и т.д.

Еще одной особенностью всех представителей школы являются выраженные просветительские идеалы, тесная взаимосвязь их научной и преподавательской деятельности, общественно-просветительские инициативы по организации научных и педагогических обществ, совершенствованию женского и школьного образования.

Школа Герье была дискретным образованием, расцвет которого пришелся на 70–80-е гг. XIX вв.; она «отцвела» к началу XX вв.; события 1917 г. трагическим образом отразились на судьбе школы, ее представителей. Но именно в рамках Школы Герье появились первые в России конкретно-исторические работы по новой истории, основанные на анализе новых источников. Уже в 80-е гг. рядом с ней стали возникать «дочерние школы» – научные школы учеников В.И. Герье, в деятельности которых можно отметить тенденцию к продолжению традиций научной школы учителя. В последующем учениками учеников Герье явились многие выдающиеся представители науки всеобщей истории (Е.В. Тарле, А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский, П.М. Бицилли, Н.Л. Рубинштейн, О.Л. Вайнштейн и др.). В этой связи странным представляется то, что при всех заслугах Герье в подготовке научно-педагогических кадров и в формировании науки всеобщей истории в России существование его научной школы долгое время подвергалось сомнению. Субъективные и объективные причины этого феномена остались в прошлом, и сейчас можно говорить об определяющей роли научной школы В.И. Герье в развитии науки всеобщей истории в нашей стране.

Н.И. Недашковска (РГГУ, Москва)

История идеи нации: версия В.И. Герье

В Европе историю формирования теории нации и национализма традиционно начинают с 1882 г., когда французский историк Э. Ренан прочитал в Сорбонне свою знаменитую лекцию

«Что такое нация?». Однако можно утверждать, что в действительности эта дата фиксирует начало этапа специального историко-теоретического обсуждения темы, который был подготовлен многолетними эмпирическими изысканиями и теоретическими размышлениями историков, философов, публицистов, писателей.

В России с середины XIX в. также многократно возникала научная и публицистическая полемика по этому вопросу – при обсуждении идеи всемирной (всеобщей) истории (Т.Н. Грановский), а также вокруг явления панславизма и связанной с ним по роду своего предмета науки – славистики (см., напр., статьи А.Н. Пыпина в Вестнике Европы 1878–79 гг.). Потому и стал возможным в том же 1882 г. выход в свет работы В.И. Герье «Народность и прогресс» (вышла в журнале «Русская Мысль» в 1882 г., а затем вошла в его книгу «Идея народовластия и Французская революция 1789 года» [Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М., 1904. С. 141-186]), содержащей первую в исторической науке программу изучения национализма как интеллектуального конструкта [О структуре программы см. подробнее: Недашковская Н.И. У истоков изучения метанарратива русского / славянского национализма: опыт В.И. Герье // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 262-271]. В нашем исследовании анализируется I часть этой работы как самостоятельный сюжет, представляющий оригинальную реконструкцию В.И. Герье истории идеи нации.

Данная реконструкция представляет генезис идеи нации в интеллектуальном контексте эпохи. Ее нарративная стратегия позволяет сделать наблюдения историко-антропологического характера: здесь во многом раскрывается индивидуальный «почерк» Герье как историка идей. Структура сюжета – трехчастная (напоминающая гегелевскую триаду) – от обоснования социального значения через анализ ключевых для жизни идеи интеллектуальных установок в первых важнейших историко-философских трудах рубежа XVIII–XIX вв. (Гердер и др.) к интерпретациям ее в научной и публицистической литературе второй половины XIX в. Объясняя актуальность идеи нации для понимания современных ученому социальных процессов, ее определяющую роль в «фактической» истории, Герье, возможно, вслед за Т.Н. Грановским, утверждает, что решающую роль в истории играют интеллектуальные процессы, а также, говоря современным языком науки, «метаидеи» –

большие идеи, рожденные обществом, под воздействием которых меняется сам ход исторического развития. При этом мир идей предстает у Герье интегрированным в фактическую историю, вырастающим из нее и прорастающим сквозь. Школа немецких идеалистов, которых принято упоминать в числе «учителей» Герье, позволила ему в данном случае не только увидеть, отрефлексировать, но и прописать те неявные взаимосвязи интеллектуалов и общества, которые и создают движение истории. Говоря о предмете статьи, ученый делает значимые историко-теоретические выводы. Так, он подчеркивает, что жизнь идеи зарождается и осуществляется не только в среде интеллектуальной элиты. В предметном поле таких исследований должна оказаться духовная жизнь всех слоев общества. Критическую оценку истолкования идеи нации панславистами он основывает на тезисе «неправильной исторической идеи» – т.е. на их «отступлении от исторического метода» и, как следствие, – сужении восприятия идеи нации до эмпирического факта, в то время как это – результат человеческой деятельности, мыслительный конструкт.

Вторая часть работы, в которой дана модель деконструкции интеллектуальных проектов национализма, начинается выводом по первой, содержащей в себе обобщающую теоретическую установку – Герье, по сути, говорит о необходимости разграничить чрезвычайно близкие по предмету и инструментарию – сферу интеллектуального конструирования от сферы научного наблюдения, анализа и деконструкции, которая собственно и позволяет дискурсу науки получить власть над идеологемами и идеологией в целом. Излишне говорить, что за этим теоретическим заключением – большой опыт журнальной полемики славянофилов и западников различных интеллектуальных страт России, в котором участвовал В.И. Герье.

Важным инструментом нарративной стратегии ученого оказался интеллектуальный контекст идеи, который, видимо, чрезвычайно привлекал Герье и как самостоятельный аналитический объект. Научный и культурный кругозор ученого в сочетании с основательным владением фактической историей знания от схоластики до позитивизма, как и в других работах по истории идей (работы о Лейбнице, Конте, Тэне, по университетскому вопросу и др.), позволил развернуть убедительную, эмпирически насыщенную, но легкую для восприятия благодаря четкой стратификации и отбору сведений, картину умственной жизни европейских обществ, на фоне

которой прописана основная линия жизни идеи. При этом история идеи нации включена Герье в более крупную схему – развития идеи всеобщей истории. Сознательный выбор автором этой конструкции подчеркивается и заглавием работы – «Народность и прогресс». Таким образом, достигается синтез в построении сюжета – обоснование значимости для современной исторической науки рассматриваемой идеи нации делает герменевтический круг и выходит на качественно новый уровень.

В результате феномен нации впервые предстает в работе В.И. Герье как яркое явление, прежде всего, духовной жизни Европы и России, а его самого можно считать одним из первых европейских теоретиков нации и национализма.

Л. П. Репина (ИВИ РАН, Москва)

«Гендерный фактор» в истории идей и интеллектуальной культуры: еще об одном актуальном аспекте творческого наследия В. И. Герье*

Резкий всплеск интереса российских историков к научному наследию В.И. Герье в конце XX – начале XXI века, единодушно отмечается как специалистами по истории историографии, так и теми, кто занимается изучением ее актуального состояния и становлением той области исторического знания. Этот особый интерес был вызван разными причинами, среди которых представляется важным в данном случае выделить чисто профессиональные, и в их ряду – с одной стороны, новое понимание предмета истории исторической науки как академической дисциплины, а с другой – укоренение в современном пространстве гуманитарных наук новых проблемных полей, позволяющих «разглядеть» в высшей степени актуальные и значимые для перспектив развития современной историографии аспекты научных воззрений и исследований Герье, которые прежде – в рамках «единственно верной методологии» – были, по существу, неразличимы.

Современное «герьеведение» быстро обогатилось многочисленными и разноплановыми исследованиями – статьями, диссертациями, монографиями. Наиболее полномасштабному и разностороннему анализу научное

** Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Проект «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в новое время» (№ 10-01-00403а).

наследие В.И. Герье было подвергнуто в недавно вышедших монографиях Т.Н. Ивановой. В контексте изучения вклада В.И. Герье в разработку конкретных проблем исторической науки исследовательница справедливо указала на центральное место тематики культурной истории человечества и истории идей в творческом наследии В.И. Герье, а также подчеркнула специфику его научного почерка, ярко проявившуюся в созданных им блестящих интеллектуальных биографиях мыслителей разных эпох [Иванова Т.Н. Научное наследие В. И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 177–230.].

Как мне представляется, суть этой специфики, проявившейся во всех научных работах и в лекциях выдающегося историка, может быть на языке современной историографии обозначена как *контекстуальный* подход. Именно детальная, максимально широкая и многоуровневая *контекстуализация* изучаемых явлений в исполнении В. И. Герье делает его творчество созвучным устремлениям и поискам современной интеллектуальной истории в той ее форме, которая опирается на эпистемологические и методологические принципы социокультурного подхода.

История идей и история исторической мысли в лучших работах В. И. Герье превращается не просто в широко понимаемую интеллектуальную историю, но в подлинно *всеобщую историю интеллектуальной культуры*. И в этой своей целостности и всеобщности она естественным образом захватывает в свою орбиту, описывает и так или иначе интерпретирует самые разные явления общественной жизни, даже те, что пока еще не осмысливаются как самостоятельный предмет исследования, но уже явственно просматриваются – пусть и не в центре, а в периферических сегментах исследовательской перспективы, которые нередко выглядят как необязательные и непреднамеренные отступления в логике выстраиваемого исторического нарратива.

В качестве примера приведу два довольно кратких, но чрезвычайно показательных сюжета в главе III «Лейбниц в Париже. Картезианизм и его влияние на французское общество» фундаментальной монографии В.И. Герье «Лейбниц и его век» [Герье В.И. Лейбниц и его век [1868]. СПб.: Наука, 2008. 807 с.]: одно из них – о важной и позитивной роли женщин в популяризации картезианства, а второе – о роли ученых и университетов. Сразу подчеркну, что я считаю принципиально

необходимым рассматривать эти два непосредственно примыкающие друг к другу «отступления» как взаимосвязанные «нити» анализа социальной среды и исторических условий эпохи, которые не только находят выражение в творчестве мыслителя, но и неизбежно определяют восприятие и распространение его идей в современном ему обществе, а в значительной степени и на последующую их судьбу.

Итак, остановившись на характеристике «умственного состояния» парижского общества, в котором оказался его герой, В. И. Герье констатирует, что «картезианизм был не только новой философской теорией: он имел значение полной революции в умственной жизни французского народа» (с. 157). И кто же были протагонисты этой идейной революции? – Хозяйки «замечательных *салонов* того времени. <...> Картезианизм своим распространением был много обязан женщинам». Но эта констатация, следующая за примерами участия женщин в «пропаганде» учения как лучшего доказательства его популярности, не завершает данный сюжет, а открывает новую серию наблюдений: с одной стороны, относительно «обыкновенных средств женской пропаганды» («обаяния», «прелестей» и т.п.), а с другой стороны, по поводу применения ими «более серьезного оружия» в защиту положений философии Декарта, в том числе на публичных диспутах.

Герье «снижает» это признание успехов «картезианок» в философствовании, оговариваясь, что в светских салонах не всегда обсуждались самые существенные и трудные вопросы учения, а чаще всего, вероятно, рассматривалась та сторона учения, «которой оно соприкасалось с ежедневной жизнью <...> Для многих, конечно, картезианизм был модой... Но тем не менее эта мода не прошла бесследно. Без участия женщин, общество не могло бы так глубоко проникнуться идеями нового учения и так живо сочувствовать ему. Мы не в состоянии указать в истории другую эпоху, когда философия стояла бы так близко к жизни и когда она имела бы такое благотворное нравственное влияние» (с. 160-161).

Примечательно также, что автор сразу же вводит противопоставление этому «деятельному участию женщин» в обсуждении и распространении идей Декарта позицию «официальных представителей науки», «ученого сословия» (заметим – по определению, мужского), в котором господствовали не «сочувствие» новым идеям, не «приветливость», не «горячность», не «рвение», не «свежесть и искренность чувства», и даже не стремление «следить за игрой» (фраза мадам де

Севинье), а «дух консерватизма», «материальные интересы», «самолюбие».

Б. В. Марков, автор послесловия к недавнему переизданию книги «Лейбниц и его век», пересказывая некоторые ее сюжеты и затрагивая проблему общественного признания философии Декарта, счел возможным в связи с оценкой, данной автором монографии институтам науки, причислить Герье к «родоначальникам отечественной социологии познания», а в том, что касается участия женщин, ограничился констатацией: «Остается загадкой, почему Софья-Шарлотта, Елизавета, Кристина, мадам де Савиньи [sic!], герцогиня Мэнская, маркиза Сабле и другие увлеклись философией Декарта и Лейбница, а профессора университетов считали их атеистами?» [Марков Б.В. Своевременная философия // Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. С. 780–781]. Для В.И. Герье это не было загадкой.

В. И. Герье внес полномасштабный вклад в историю интеллектуальной жизни Европы, продемонстрировав взаимосвязанность всех ее составляющих, что потребовало комплексного подхода, включающего как анализ текстов и концепций, так и индивидуальных ситуаций, творческих биографий и межличностных отношений (с учетом гендерной асимметрии) в интеллектуальной среде.

Н. Ю. Старкова (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Ученики В.И. Герье и развитие спартановедения в России на рубеже XIX–XX вв.

Развитие русского антиковедения на рубеже XIX–XX вв. проходило под непосредственным влиянием европейской науки и в то же время отражало специфические условия развития России. Э.Д. Фролов выделил несколько приоритетных направлений в развитии отечественного антиковедения, в том числе историко-филологическое, культурно-историческое, социально-политическое и социально-экономическое [Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 542].

В 1905 г. были опубликованы «Лекции по истории Греции» Р.Ю. Виппера, а в 1916 г. «История Греции в классическую эпоху XI–IV в. до н. э.» [Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции в классическую эпоху XI–IV в. до н. э. СПб., 1916]. Их автор – ученик В.И. Герье, профессор Московского университета. Еще в студенческие годы он вместе с Н.И. Кареевым, М.С. Корелиным, С.Ф. Фортунатовым и П.Н. Ардашевым составляли семинар под

руководством В.И. Герье. В нем студенты осваивали исследовательские процедуры, навыки ведения научных дебатов и дискуссий, анализировали редкие источники.

Методологически Р.Ю. Виппер в изучении античности был близок к модернизаторским подходам Эд. Мейера. С другими европейскими антиковедами рубежа XIX–XX вв. его сближало также гиперкритическое отношение к античной традиции, а с марксистскими новациями – интерес к социально-экономическим проблемам истории древнего мира. Он демонстрировал интерес и к общим социологическим вопросам. Р.Ю. Виппер был увлечен теорией и методологией истории, подчеркивал, что место истории состояний должна занять история событий. Иначе говоря, взамен социальной и культурной истории на первый план выдвигаются история политическая и история международных отношений [Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 211].

Фокус внимания Р.Ю. Виппера – Афины и морской союз, которые он считал высшим политическим и социальным институтом греческой городской культуры. Спарта присутствовала в рассуждениях историка постольку, поскольку она участник внешнеполитических интриг и войн. Автор не довел изложение материала даже до конца Пелопоннесской войны, закончив лекции последствиями олигархического переворота 411 г. до н. э., не отметив практически роль внешней силы в крахе Афин – Спарты и ее союзников [Виппер Р.Ю. Лекции по истории Греции. Очерки по истории Римской империи (начало). Ростов н/Д, 1995. Т. 1. С. 230-254]. Позже он добавил новые разделы, но главное внимание уделено не Спарте. Впервые автор упоминал о Спарте в контексте изучения борьбы политических партий в Афинах в середине 60-х гг. V в до н. э., очерк Спарты имел форму экскурса. По мнению В.П. Бузескула, написавшего рецензию на лекции Р.Ю. Виппера, «Спарта заслуживает большего» [Бузескул В.П. Лекции по истории Греции Р.Ю. Виппера. Ч. 1. М., 1905 // ЖМНП. 1905. Окт. С. 427].

В 1900 г. по инициативе Ф.Г. Мищенко в Казанский университет был приглашен последователь В.И. Герье и П.Г. Виноградова М.М. Хвостов, один из самых ярких представителей социально-экономического направления в отечественной науке об античности. Историей Спарты автор начал заниматься еще со студенческой скамьи, представив в аттестационную комиссию сочинение «Внутренний кризис в Спартанском государстве и реформа III в. до р. х.». В Казани он начал как приват-доцент, в 1907 г. был назначен

экстраординарным, а в 1914 г. – ординарным профессором университета [Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979. С. 8, 17; Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 380]. Собственно научная деятельность М.М. Хвостова началась с изучения социально-экономического развития Спарты [Хвостов М.М. Хозяйственный переворот в древней Спарте // Учен. зап. Казанского ун-та. 1901. Кн. 11. С. 175-195]. Он подробно изучил трансформацию общинной земельной собственности на рубеже V-IV вв. до н. э. Следствием реформы Эпитадея стало, по мнению исследователя, появление частной собственности на землю в Спарте. Эти выводы положили начало изучению хозяйства и социальных отношений древней Спарты. М.М. Хвостов сконцентрировал внимание на рубеже V-IV вв. до н. э., которому, по обыкновению, уделялось меньше внимания, чем эпохе Ликурговых реформ в архаической Спарте или подвигам спартанского царя Леонида в эпоху Персидских войн.

Внимание к проблемам социально-экономической истории Спарты нашло отражение и в общих лекционных курсах по истории Греции, читанных им в Казанском университете, и на Казанских высших женских курсах [В нашем распоряжении имеется литографированный курс: История Греции. Конспект лекций профессора М.М. Хвостова, читанных в Казанском Университете и на Казанских Высших Женских Курсах в 1907-1908 гг. Казань, 1908]. Лекционные курсы М.М. Хвостова свидетельствуют о большом его интересе к общим вопросам исторической науки, ее истории и методологии [Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 387].

М.М. Хвостов критически рассмотрел комплекс источников о легендарном спартанском законодателе Ликурге и пришел к выводу-парадоксу: «чем дальше мы от эпохи Ликурга, тем больше мы имеем о нем сведений» [Хвостов М.М. История Греции. Конспект лекций... С. 163]. Изучив материал письменных источников, он сделал вывод, что в плутарховой биографии Ликурга ценны сведения о спартанских учреждениях.

С вниманием М.М. Хвостов отнесся к такому непростому источнику, как Большая Ретра. Применяя методы филологического и историко-критического анализа, исследователь оценил ее как «главнейший источник для древнейшей истории» и заключил, что в определении государственного строя Спарты наука может в своих реконструкциях исходить из Ретры. М.М. Хвостов подробно рассмотрел положение спартиатов, перизков и илотов. Он пришел к выводу, что завоевание Мессении было вызвано острым аграрным кризисом. Вторая Мессенская война, по мнению

ученого, открыла особый этап внешней политики Спарты: ее отношения с соседними государствами Пелопоннеса переходят на основу договоров. Большое внимание он уделил вопросу о роли Пелопоннесского союза в становлении спартанской гегемонии в Греции IV в. до н. э. и оценил гегемонию Спарты как весьма непрочную. Общая картина IV в. до н. э. обрисована М.М. Хвостовым так: «...мы видим в европейской Греции тот же сепаратизм, как и раньше. Такое положение не могло держаться, – должен был найтись какой-нибудь выход. Этот выход действительно нашелся, но не тот, о котором мечтали греки эпохи Пелопоннесской войны. Это было Македонское завоевание» [Там же. С. 169, 388].

М.М. Хвостов внес большой вклад в понимание основных проблем спартанской истории. В его трудах представлена целостная картина истории Спарты, оформившаяся в авторскую концепцию. Большое внимание уделено в ней не только внешнеполитической стороне истории Спарты, но и установлению связей между политической, экономической и социальной сферами. Таким образом, дореволюционная русская наука об античности развивалась под непосредственным влиянием В.И. Герье, вклад учеников которого в лице Р.Ю. Виппера и М.М. Хвостова невозможно переоценить.

Е. А. Татарина (РГБ, Москва)

Издания лекционных курсов В.И. Герье в фондах Российской государственной библиотеки

Мы рассмотрим издания лекционных курсов В.И. Герье, которые находятся в фондах Российской государственной библиотеке. Временные рамки анализа изданий – 1872-1908 гг., т.е. это прижизненные издания. В основе своей это – издания лекций, прочитанных на Московских высших женских курсах.

Как сказал В.И. Герье при открытии Московских высших женских курсов, «...мы желали бы положить основание учреждению, которое могло бы содействовать распространению высшего образования между женщинами» [Положение о высших женских курсах в Москве и речи, произнесенные при открытии курсов 1 ноября 1872 года профессорами Московского университета св. А.М. Иванцовым-Платоновым, С.М. Соловьевым и В.И. Герье. М., 1872. С. 18]. В брошюре, опубликовавшей речь В.И. Герье, дано расписание предметов и преподавателей на первый год высших женских курсов. Среди

преподавателей значится и «проф. В.И. Герье», который читал предметы «История Цивилизации» и «Практические упражнения по Истории». Издания, отражающие лекции В.И. Герье на этих курсах, начинаются брошюрой «Римская история. Лекции орд. Пр. В.И. Герье. 1878/9 ак. г.». Как видим, лекции стали издаваться не сразу, а по мере осознания необходимости их издания. Большинство лекций имеет вид машинописных или рукописных книг, изданных литографическим способом. Среди подобных изданий интересны издания «В.И. Герье. История XVIII века. Лекции, читанные в 1902-03 году. М., 1902» с автографом владелицы – слушательницы 2 курса историко-филологического отделения В.М. Боровской, «Введение к “Очерку Римской истории” проф. И.В. Нетушила. Римская историография (по Герье). Издание филологического отдела общества взаимопомощи студентов Харьковского университета, Харьков, 1907, рукопись, литография».

Очевидно, что не только в Москве осуществлялись издания лекций высших женских курсов (курсов Герье, как их называли). Опыт преподавания на этих курсах распространялся по всей России, о чем свидетельствует издание, предпринятое в Харькове. Очень ценным фактом является то, что, как правило, издания осуществлялись самими студентами. Наглядный пример тому – издание Общества взаимопомощи студентов Харьковского университета. Все экземпляры литографированных изданий лекций принадлежали Библиотеке Публичного и Румянцевского музеев. Это было особенно важно, так как в Москве именно эта библиотека была одним из главных книгохранилищ, где занималось студенчество в это время.

В 1895 г. вышли «Лекции по римской истории Заслуженного ординарного профессора В.И. Герье, читанные на 1 и 2 курсах историко-филологического факультета в 1895/96 ак. году». Машинописный текст передает нам отношение самого В.И. Герье к процессу преподавания. Историк отмечает, что «можно преподавать целую жизнь один и тот же предмет, не испытывая скуки и утомления». Одной из причин подобного отношения автор отмечает взаимный «интерес профессора и студентов, учителя и учеников» [Герье В.И. Лекции по римской истории заслуж. ординарного проф. В.И. Герье, читанные на 1 и 2 курсах историко-филологического факультета в 1895/96 ак. году. М., 1895. С. 3], которые поддерживают друг друга. В.И. Герье подчеркивает, что потребность делиться с другими своими знаниями лежит в основе преемственности культуры и науки. Без этой потребности каждому поколению пришлось бы

вновь начинать работу в области науки. Кроме того, каждое новое поколение с его новыми интересами и надеждами дает преподавателю новую силу и новый интерес к делу. Это чувство необходимо в деятельности преподавателя, которой в большей своей части должны были заниматься выпускницы женских курсов.

В другом издании – «Лекции по Римской истории заслуж. проф. В.И. Герье, читанные в 1903-4 учебном году просмотренные автором» (М., 1904) историк в предисловии рассматривает различия в подходе к изучаемому предмету в гимназическом и университетском курсах. В частности, он говорил: «Гимназическое изучение истории должно заключаться в усвоении... описательного материала истории. ...факты должны врезаться в память, поразить воображение изучающего; ...он должен вынести из преподавания точное знание фактов по известной области истории». В курсе университетском факты также имеют огромное значение, но важны они «как следствия и как причины; ... важнее связь фактов». Изменяется сама оценка фактов: важно проследить причинно-следственную связь фактов, их место в целом ряде фактов, т.е. в основе должен быть синтез фактов. «Синтез фактов может происходить в пределах известной эпохи и даже части века, но он может также быть установлен в пределах истории целой нации». История любой страны имеет связь с другими эпохами, поэтому в изучении важен и «другой синтез – общий синтез всех фактов человеческой истории». Кроме того, в университетском преподавании необходимо «прежде всего, иметь возможность дать самому себе отчет о степени собственного знания» [Герье В.И. Лекции по Римской истории заслуж. проф. В.И. Герье, читанные в 1903-4 учебном году просмотренные автором. М., 1904. С. 4-7]. Эту разборчивость относительно фактов, определение степени их достоверности В.И. Герье называл исторической критикой и считал необходимым подобный подход к фактическому материалу в процессе университетского изучения истории.

В раздел лекций, прочитанных на высших женских курсах, представляется необходимым ввести и еще одно издание В.И. Герье – «Франциск. Апостол нищеты и любви. М., 1908». В предисловии к данной книге автор написал: «началом предлагаемой книги были две лекции, посвященные мною св. Франциску <...> Эти лекции были с дополнениями напечатаны в “Вестнике Европы” за 1892 г. Когда несколько лет спустя ... я возвратился к Франциску, оказалось, что за

последнее десятилетие были опубликованы недоступные раньше источники по истории Франциска и необыкновенно богато развившаяся литература о нем выдвинули целый ряд новых вопросов. Таким образом, мой очерк обратился в книгу» [С. 1-2]. Вот наглядное свидетельство того, как из лекций родилась отдельная книга, впоследствии поступившая в фонд Библиотеки Публичного и Румянцевского музеев.

Подводя итог краткому обзору изданий лекционных курсов В.И. Герье, находящихся в фонде РГБ, можно сказать, что они отражались в фондах Библиотеки прижизненно автору, издания имели огромное значение для изучения истории в современное В.И. Герье время, среди них были книги, изданные не только типографским образом, но и машинописные и рукописные копии, изданные литографированным способом. Национализация книжных собраний, проведенная в 20-е гг. XX в. показала, что труды историка находили место среди книг частных собраний, причем при национализации они не отправлялись в обменный фонд, а оставались в фонде Библиотеки. Все это говорит о важности их для понимания истории и ее преподавания как в современное В.И. Герье время, так и начале XXI в.

С. С. Ходячих (ИНИОН РАН, Москва)

**Нормандское завоевание Англии
в исследовательском дискурсе
В.И. Герье, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова**

Проблемы Нормандского завоевания Англии затрагивали в своих исследовательских практиках и ведущие российские историки конца XIX – начала XX в. Среди них особое место занимают крупнейшие представители либерально-позитивистской историографии: профессор всеобщей истории Московского университета В.И. Герье, экстраординарный профессор Варшавского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук Н.И. Кареев, и профессор Московского и Оксфордского университетов П.Г. Виноградов.

В курсе лекций по истории средних веков, читанных В.И. Герье в Московском университете в 1870-х гг., в сжатом виде содержатся основные идеи автора относительно феодализма. Отметим, что Нормандскому завоеванию Англии Герье отводит ничтожно малое место. Опуская событийную часть, Владимир Иванович сосредотачивает свой исследовательский интерес на последствиях событий 1066 г. как

для Англии, так и для всей Европы. По мнению историка, главным итогом Нормандского завоевания стало «сближение Англии с материком в полит[ическом плане]», также «оно создало тот общественный [строй], то госуд[арственное] учр[еждение], из котор[ого] возник парл[аментский] образ правления».

Одним из краеугольных моментов Герье считает социально-экономическое положение Англии после 1066 г. Привлекая материалы «Книги страшного суда», историк замечает: в основе раздачи завоеванной земли лежал критерий приближенности к персоне нормандского герцога, «участки б[ыли] не равны», поскольку войско Вильгельма составляли и «простые войны», и «могущественные», и «начальн[ики] отрядов». Изучив поземельную перепись 1086 г., Герье приходит к выводу, что в «основании распред[еления] завоев[анных] зем[ель]... лежал **политический** смысл». Что касается английского крестьянства, то его положение «не измен[илось] существ[енно]», больше всего «пострад[али] крупн[ые] землевл[адельцы]» – они были полностью истреблены.

Трактовка Нормандского завоевания В.И. Герье соотносится с его исторической концепцией, в основе которой лежало понятие причинности в истории, а также зависимости исторического процесса от личности и ее убеждений. Наделенный неординарными способностями, нормандский герцог Вильгельм смог собрать вокруг себя коллектив единомышленников, и совершить знаковое для всей европейской истории событие – завоевание Англии. При этом в основе действий средневековых правителей следует, в первую очередь, искать политическую подоплеку – социально-экономические процессы выходят на второй план.

Гораздо больше исследовательского внимания проблемам Нормандского завоевания уделили ученики В.И. Герье Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов. Если Кареев-новист касался событий последней трети XI в. в Англии в своих работах «Поместье-государство и сословная монархия средних веков» и «Учебная книга истории средних веков», то Виноградов-медиевист посвятил английской истории несколько монографий.

Главная заслуга Нормандского завоевания, по мнению Кареева, состоит в том, что оно «спасло» Англию от перспективы «разрушения центральной власти, и общенародных учреждений местной жизни», а также раздробления «на ряд сеньерий разных рангов с общим характером поместья-государства». Вслед за событийной частью Николай Иванович

раскрывает механизм трансформации норманнов в *нормандцев*. В выстроенном Кареевым дискурсе личности Вильгельма уделено незначительное место, однако, между строк читается высокая оценка, которую дает историк английскому королю. Отмечая такие черты Вильгельма, как сильная воля, большие организаторские способности, умение избегать ошибок, хорошее понимание текущей ситуации, хитрость, жадность и властолюбие, историк приходит к выводу, что именно эти качества помогли нормандскому герцогу направить вектор европейской истории в другую сторону.

В целом, Нормандское завоевание заслуживает высокой оценки Кареева. Осуществившись благодаря воле, способностям и желанию неординарной личности, оно повлекло за собой создание особого, присущего только Англии, типа феодализма. Персонифицируя историческое повествование, автор подчеркивает, что именно личность творит историю – в этом он во многом схож с В.И. Герье.

Однако более подробно вопросы, связанные с Нормандским завоеванием, его последствиями и результатами, были исследованы крупнейшим российским медиевистом рубежа XIX-XX вв. П.Г. Виноградовым.

Причины успеха Нормандского завоевания Виноградов видит не столько в предприимчивости герцога Вильгельма и его войска, сколько в удачном стечении обстоятельств. Вильгельм застал Англию в переходном, «промежуточном, смутном состоянии»: страна «так легко досталась нормандцам и французам, потому что ее древний, германский порядок уже разстроился, а новый, феодальный, еще не образовался». Вслед за В.И. Герье, Виноградов отмечает, что с приходом завоевателей положение англосаксонских крестьян изменилось несущественно.

Изучая проблемы генезиса английского манора, историк соотносит его с появлением военной аристократии в результате Нормандского завоевания. Феодальные порядки, считает Виноградов, были привнесены первыми нормандскими королями, а интерес эпохи последней трети XI – первой трети XII в. состоит в «борьбе между принципами, установленными завоевателями, и ранними традициями».

Подводя итог своим многочисленным рассуждениям о социальной истории Англии в XI в., Виноградов признает за Нормандским завоеванием фундаментальную роль с точки зрения его влияния на учреждение и развитие новой формы

земельных отношений на Британских островах – манориальной системы.

Исследовательский дискурс П.Г. Виноградова носит междисциплинарный характер: правовая компонента неразрывно связана с историческим анализом, что придает научным практикам историка репрезентативности даже через столетие после его ученой деятельности. Ему интересно не само Нормандское завоевание, не событийная, но около-событийная история, а также последствия событий 1066 г. с точки зрения их влияния на социальную жизнь английского общества последней трети XI в.

Подведем итоги. Либерально ориентированные историки второй половины XIX – первой трети XX в. В.И. Герье, Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов считали Нормандское завоевание одним из ключевых событий европейской средневековой истории. Останавливая свой профессиональный исследовательский взор на проблемах английского феодализма, манориальной системе, социальном состоянии общества, все они сходятся во мнении, что именно личность является главным актором исторического процесса. В свою очередь, на примере кампании Вильгельма Завоевателя прослеживается соотношение индивидуального и общественного в историческом развитии, а работы упомянутых историков по изучаемой проблематике следует признать образцовыми, поскольку ценность этих материалов заключается в том, что они отражают состояние исторической науки рубежа XIX–XX вв.

А. В. Шарова (НИУ ВШЭ, Москва)

«Отстал от века»? В.И. Герье и А.Н. Савин

Яркий и динамичный творческий путь В.И. Герье, его общественно-политическая деятельность по-разному воспринимались не только его непосредственными учениками, но и теми историками, которые находились на дальней «периферии» его научной школы. К таким историкам можно отнести и ученика П.Г. Виноградова, Александра Николаевича Савина. Сохранившиеся документы позволяют проследить динамику отношений к профессору ученого, не разделявшего его общественно-политических воззрений в начале XX в., но скорректировавшего свою позицию после революции в октябре 1917 г. Переписка, а особенно, дневниковые записи 1908-1917 гг., текст речи памяти В.И. Герье, равно как и содержание

лекционных курсов историка, – все эти источники позволяют выстроить весьма сложную картину восприятия патриарха российской исторической науки более молодым поколением историков. При этом А.Н. Савин не только учился у В.И. Герье, но и в качестве пробной лекции выбрал тему из французской тематики, то есть научного поля самого профессора. По приглашению В.И. Герье молодой историк начал работать лектором на Высших женских курсах. Верным другом А.Н. Савина, с которым его объединяла и близость общественно-политических взглядов, стал один из последних учеников В.И. Герье – С.А. Котляревский. Таким образом, вращаясь в орбите В.И. Герье, А.Н. Савин должен был отразить свое представление об этом ученом и человеке.

А.Н. Савин учился в семинаре у одного из лучших учеников В.И. Герье, П.Г. Виноградова. Впоследствии в 1911-1913 гг., опираясь на опыт занятий у П.Г. Виноградова, А.Н. Савин хлопотал о проведении правильно организованных семинаров, об оставлении их в числе курсов историко-филологического факультета. Историк даже настаивал на том, чтобы за семинарами было закреплено специально приспособленное для этого помещение с удобной для занятий мебелью. Воспроизводились и научные практики, ставшие привычными среди ученых «школы» Герье. Характерная для А.Н. Савина забота об учениках напоминала то внимательное отношение, которое он испытал на себе со стороны профессора В.И. Герье. В отсутствие своего непосредственного руководителя, П.Г. Виноградова, именно к Герье обращался Савин с просьбой о выделении стипендии, о предоставлении отпуска в связи с болезнью и другим вопросам, сообщал о своих заграничных впечатлениях. Судя по дневниковым записям историка, тема учитель и ученики активно обсуждалась в ученом сообществе, особенно в периоды вмешательства государства в университетскую жизнь. В частности, Савин размышлял о том, насколько специфические отношения складывались с учениками у В.О. Ключевского, Р.Ю. Виппера, П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского.

В 1909 г. А.Н. Савин участвовал в праздновании юбилея университетской деятельности В.И. Герье, хотя не все его коллеги проявили подобную учтивость. Историк посчитал для себя невозможным, даже не разделяя взглядов Герье, отказаться от его чествования, настолько это была масштабная фигура для Московского университета. Резкие оценки в адрес Герье в записях историка перемежались с восхищением перед его

научным долголетием и работоспособностью. Здравость суждений, готовность генерировать новые идеи и их отстаивать, восхищали Савина одинаково и у В.О. Ключевского, и у В.И. Герье.

Осуждая позицию В.И. Герье во время и после бурных событий профессорской отставки 1911 г., А.Н. Савин, наряду с другими профессорами Московского университета, продолжал интересоваться его жизнью и оценками. Для своих бывших учеников и коллег В.И. Герье оставался одним из маяков, с которым приходилось сверяться. Столь внимательного отношения на протяжении нескольких лет, пока Савин практически ежедневно вел дневник, удостаивались только три человека: Виноградов, почитаемый им учитель, Ключевский и ... Герье. Два последних ориентира весьма знаменательны. Отношение к ним и взаимоотношения с ними являли для многих историков «московской школы» способ конструировать и определять само сообщество историков и свое место в нем.

Как и его коллега и друг С.А. Котляревский, А.Н. Савин в 1911 г. не сделал резкого шага в виде отставки, зато пытался всячески устроить возвращение «отчисленных». На практике это напоминало осуждаемый в свое время поступок В.И. Герье, который отказался поддержать в 1904 г. заявление городской думы с требованиями демократических свобод. Нежелание обострять конфликты присутствовало во многих действиях А.Н. Савина, который, тем не менее, осуждал подобную же практику действий своего старшего коллеги. В 1917 г. А.Н. Савин в составе специальной комиссии участвовал в переговорах с организацией студентов и молодых преподавателей, еще раз демонстрируя предпочтение компромисса вместо нарушения университетской автономии. Однако, как и в практике В.И. Герье, эти переговоры не остановили студенческих выступлений, зато вызвали подозрительность со стороны некоторых коллег.

В течение нескольких лет А.Н. Савин вел занятия на ВЖК и в Московском университете по истории французской революции XVIII в., позднее его лекционные курсы были изданы. На семинарах Савин разбирал тему, первопроходцем которой являлся В.И. Герье – наказаниям депутатам Генеральных штатов.

А.Н. Савин весьма активно участвовал в возрождении Исторического общества, основанного В.И. Герье, председательствовал иногда на его заседаниях, выступал с докладами. Несмотря на прохладные личные отношения между историками, равно как и различия в их мировоззрении,

политических и научных взглядах, их многое объединяло. Своеобразное западничество, ориентация на примеры политического развития некоторых стран Западной Европы, любовь к историческому источнику и навыки его анализа, искреннее служение науке и университетскому образованию, даже манера чтения лекций – многое оказывалось общим у этих столь непохожих историков разных поколений. Как и другие ученики и коллеги ученого, Савин не мог не отозваться на его смерть. Текст выступления, датированный 1921 г., сохранился в его фонде. И если в 1913 г. Савин приветствовал «смягчение» перечня научных заслуг Герье в университетском адресе, а в следующем году резко критиковал его книгу о Грановском, то спустя десять лет оценки стали иными. Вероятно, на фоне глобального кризиса, затронувшего Россию, произошла и переоценка А.Н. Савиным фигуры учителя, пришло понимание истинного масштаба его личности. Подробно разбирая мировоззрение В.И. Герье, его философские и политические взгляды, А.Н. Савин констатировал, что в 1917 г. ученый «отстал от века, но отстал не один, а вместе со всею старой Россией. Семь лет войны и революции безжалостно смели весь тот уклад мыслей и чувств, которым он жил». Вместе с ним ушла в прошлое славная эпоха, связанная с именами Грановского, Соловьева, Ключевского... и самого Герье.

А.В. Юдин (МПГУ, Москва)

В.И. Герье как исследователь истории и историографии истории Древнего Рима

В.И. Герье внес существенный вклад в развитие отечественной науки о Древнем Риме. Будучи вслед за своими университетскими учителями и наставниками Т.Н. Грановским, П.Н. Кудрявцевым, М.П. Леонтьевым и С.М. Соловьевым приверженцем идеалистического историзма, Герье исследовал римскую историю в русле подходов, свойственных ученым социально-политического направления русского антиковедения, которые считали главным фактором исторического движения постепенную смену государственно-правовых учреждений, эволюцию норм гражданских правоотношений и различных форм мировоззрения.

В курсе лекций «История римского народа», читанных Герье на МВЖК в 1887 г., наиболее системно изложено видение ученым основных фактов и закономерностей исторического развития

Древнего Рима в царский и республиканский периоды. Главная идея ученого, проходящая через весь курс, заключается в том, что развитие Древнего Рима шло в направлении от городской общины к огромной империи, в чем, несомненно, проявлялся прогресс развития античной государственности. Одной из центральных проблем, изучаемых Герье, было вызревание истоков императорской власти задолго до установления единовластия Августа, которое, по его мнению, происходило в течение всего периода Поздней Республики, когда Рим, завершив завоевание Италии, вступил на путь создания провинций. Истоки власти будущих императоров Герье видел в основных принципах управления провинциями, к которым он относил: фактическое отсутствие ограничения (хотя и при формальном ограничении) круга полномочий проконсулов, практическое отсутствие влияния римских магистратов на деятельность провинциальных наместников, соединение в руках одного провинциального промагистрата функций самых разных римских должностных лиц. Однако, по мнению ученого, именно с ограничения самовольия римских проконсулов связано начало генезиса империи как формы древнего государства. С 78 г. (смерть Суллы) по 44 г. до н.э., рассуждал Герье, «окончательно выяснилось будущее направление римской истории» [Герье В.И. История римского народа: Курс лекций. М., 1887. С. 280], поскольку имело место относительное уравнивание провинциалов в правах с римлянами параллельно с распадом римских республиканских учреждений [Там же. С. 304].

Герье одним из первых в российской науке стал уделять специальное внимание определению сущности принципата Августа, которую он оценивал неоднозначно. В лекционных курсах 1870–1880-х гг. и в работе «Август и установление Римской империи» учёный характеризовал появившуюся вместе с Августом форму правления как нечто среднее между монархией и диархией, представлявшее собой «совершенно индивидуальный характер», при которой «образ правления ... правильнее всего называть принципатом». [Герье В.И. Август и установление Римской империи // Вестник Европы. 1877. № 7. С. 11]. Иными словами, Герье воздерживается от отождествления данного термина с устоявшимися в науке терминами, связанными с той или иной привычной его современникам формой власти. Говоря об эволюции принципата при преемниках Августа, Герье подчеркивал, что она осуществлялась в направлении дальнейшего укрепления «монархической идеи»; ключевыми фигурами в этом процессе названы Тиберий,

окончательно ослабивший сенат, и Веспасиан, установивший принцип, что император не подвластен закону.

В.И. Герье передал свой интерес к проблемам римской истории своим ученикам. Так, Н.И. Кареев и М.С. Корелин развивали в своих исследованиях проблематику взаимоотношений Рима и провинций, сформулированную его учителем, привлекая преимущественно материалы периода империи. В русле концепции Герье о зарождении главных признаков империи задолго до установления единовластия Августа осуществлял научные поиски Р.Ю. Виппер, считавший начальной датой этого процесса разрушение Римом Карфагена в 146 г. до н.э.

В истории отечественной исторической науки с именем Герье также связано становление историографии истории Древнего Рима, и особенно ее ранних этапов. Наиболее полно исследования В.И. Герье по историографии истории Древнего Рима VIII – начала III вв. до н.э. представлены в качестве отдельных больших частей текста монографий «Очерк развития исторической науки» (1865 г.) и «Философия истории от Августина до Гегеля» (1915 г.), в специальной, но, к сожалению, небольшой монографии обзорного характера «Научное движение в области древней римской истории», вышедшей в свет в 1895 г., и в отдельных лекционных курсах: «Римская история. Историография до Моммзена. Лекции заслуженного профессора В.И. Герье, читанные в 1893–94 году на I, II, III и IV семестрах» и «Обзор историографии и археологии. Лекции по римской истории заслуженного ординарного профессора В.И. Герье, читанные на 1 и 2 курсах историко-филологического факультета в 1895 – 96 ак. году». Названные лекционные курсы представляют собой наиболее полное и целостное исследование В.И. Герье проблем историографии Царского и Раннереспубликанского Рима, оставшееся, однако, в виде двух машинописных рукописей, хранящихся в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

В названных историографических исследованиях Герье сформулировал ряд важнейших положений, определивших, в известной степени, дальнейшее развитие историографии античной истории в российской науке. Основными из таких положений являются тезис о становлении научного изучения древней истории начиная с творчества Бартольда Георга Нибура в начале XIX в. и о «переломном» значении первого тома «Римской истории» Теодора Моммзена в мировой науке о

Древнем Риме (1855 г.). Кроме того, Герье фактически разработал периодизацию истории науки о Древнем Риме, критерием которой является выход в свет трудов историков, меняющих устоявшиеся воззрения и методологические подходы предмету исследования – государственно-правовым институтам и различным сторонам культуры античного Рима.

Таким образом, Герье, будучи историком широкого исследовательского диапазона, в котором античность всё-таки не занимала центральное место для ученого, внес заметный вклад в изучение римской истории и в продолжение её изучения историками следующего поколения.